

LUDI MAGISTER

- **вместо портрета**

Когда говоришь об Андрее Анатольевиче Зализняке, в уме возникают: красивый почерк, легкие руки, соединяющие концы порванной берестяной грамоты, голос, взлетающий на интонации «немемыслимо!», улыбка радости в ответ на реакцию аудитории. Запомнившаяся реплика: «Сколько на свете миров!»

- **лингвистические задачи**

Два года назад впервые отдельным изданием вышли в свет «Лингвистические задачи» А. А. Зализняка (Москва: МЦНМО, 2013). До тех пор эти задачи печатались только в составе сборников (Исследования по структурной типологии 1963: 137-159, Лингвистические задачи 1983¹ и Задачи лингвистических олимпиад 2006²: 516-545). По верному определению В. А. Успенского, «Зализняк открыл новый жанр – жанр самодостаточных лингвистических задач... Они самодостаточны в том смысле, что не предполагают никаких лингвистических знаний и тем самым доступны для попытки решения любому желающему»³. Одни задачи – на грамматический анализ текста на незнакомом языке. На небольшом контрольном фрагменте вам предлагается изучить устройство нового для вас языка и проверить, правильно ли вы выявили его закономерности. Вам, по сути, вверяется роль Шампольона. Вот одна из задач этого рода:

Предназначается для лиц, не знакомых с баскским и венгерским языками. Исходные данные: дан текст из 14 фраз на незнакомом языке А (баскском) с переводом каждой фразы на незнакомый язык В (венгерский). Задание: перевести с языка В на язык А следующие фразы (предлагается 3 фразы)⁴.

Другие задачи сборника – на внутреннюю реконструкцию. И тут вы в роли Гримма. В вашем распоряжении – небольшой фрагмент на первый взгляд не слишком регулярного словоизменения незнакомом вам языке. «Требуется построить систему, обладающую существенно большей степенью регулярности, которую можно было бы рассматривать как первоначальный вид заданной системы»⁵ и показать цепочку переходов между этими двумя состояниями языка. Критерий оптимальности решения – его простота («квазиалгебраичность»). Задачи этой группы имеют примерно следующий вид:

¹ В. М. Алпатов, А. Д. Вентцель, Б. Ю. Городецкий и др. Лингвистические задачи. Москва: Просвещение, 1983.

² Задачи лингвистических олимпиад 1965 – 1975. Москва: МЦНМО, 2006.

³ В. А. Успенский. Предисловие // А. А. Зализняк. Лингвистические задачи. Москва: МЦНМО, 2013. С. 6.

⁴ Там же. С. 15-16.

⁵ Там же. С. 9.

Предназначается для лиц, не знакомых с исторической грамматикой латышского языка. Исходные данные: Дано 9 латышских глаголов, каждый в семи грамматических формах (...), итого 63 словоформы. Задание: Построить для данной системы словоформ «первообразную» систему, обладающую следующими свойствами: (...)⁶.

Нетрудно заметить, что две эти группы задач моделируют исследовательскую работу лингвиста по обеим ее осям – синхронной и исторической. Существенно важно при этом, что все задачи рассчитаны на человека, не знакомого с рассматриваемыми языками. Важно потому, что, в отличие от многих других авторов лингвистических задач, Зализняку не нужно проверять знания того или иного языка. Он стремится избавиться от этого дидактического, репродуктивного элемента задания как от помехи. Ему важен чистый интерес и живой поиск – свойства, роднящие задачу с загадкой и превращающие ее в увлекательную интеллектуальную игру. Важное условие игры и залог вдохновенного участия в ней – доверие и честное соперничество: решения в конце задачника приводятся, но оговаривается при этом, что они не единственно возможные. «Более того, - пишет Зализняк, - они, быть может, и не наилучшие, и автор был бы благодарен читателям за сообщение ему более удачных решений»⁷. Решающий, таким образом, занят не тем, чтобы повторно найти решение автора, а тем, чтобы найти *свое* решение и прийти к нему *своим* путем. И автор тут – не неподвижный ментор, а живой партнер читателя в совместном поиске истины. В этой игре всё всерьёз и по-настоящему интересно. Именно поэтому идеальный пользователь задач Зализняка – ребенок. Первая публикация задач в 1963 году дала импульс лингвистическим олимпиадам школьников, а «первая традиционная московская олимпиада по языковедению и математике», состоявшаяся в 1965 году, переросла в олимпиадное движение, которое со временем приобрело международный размах и развивается по сей день, во многом благодаря усилиям многочисленных лингвистов, бывших студентов А.А.

• компендиум и словарь

«Самое хорошее, когда человек чем-то заинтересован»⁸. В этих словах матери А. А. Татьяны Константиновны обобщен пример сына. В науке им движет живой интерес. Поразительна цельность его характера – от пятиклассника, взявшего с собою в летний лагерь англо-русский словарь, до нынешнего А.А.З. Как будто стеклодув на протяжении жизни равномерно выдувает шар удивительно прекрасной формы и чистого звучания.

В 2014 году вышла книга А. А. «Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь» (Москва: Языки славянской культуры). Акцентология как одна из сквозных тем А.А. разрабатывалась им на протяжении многих лет в разных жанрах – от компактных сведений в двуязычных словарях (русско-французском, русско-испанском и др.) до акцентной составляющей «Грамматического словаря русского языка», от отдельных статей до монографий 1985-го («От праславянской акцентуации к русской»). Москва) и 1990-го годов («“Мерило Праведное” XIV века как акцентологический источник». München). Книга 2014 года подводит итог многолетнему сбору акцентологического материала древнерусских рукописей. Объем вложенного в это

⁶ Там же. С. 21.

⁷ Там же. С. 25.

⁸ М. Бурас. Татьяна Крапивина (Интервью) // Большой город. 2011. Эл. версия: http://bg.ru/society/tatyana_krapivina-8935/

исследование труда таков, что если бы речь шла не об А.А., мы бы сказали: «В одиночку – невозможно!». Промежуточной станцией был двухтомник «Труды по акцентологии» (Москва, 2010–2011), который объединил работы А.А. прежних лет (т. I) и предварительный вариант словаря (т. II).

Устроена нынешняя книга внешне так же, как «Грамматический словарь»: это тоже словарь (с особым разделом для собственных имен), предваряемый очерком языковой системы. Нельзя, однако, не обратить внимание на то, что в названии книги 2014 года две эти структурные части, несмотря на разницу в объеме (соответственно, примерно 85 и 15 процентов), фигурируют на равных, и книга называется не «Словарь», а «Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь». Такая формулировка, думается, не случайна. Она вполне соответствует основной практической и дидактической задаче этой книги: научить управляться с ударением в древнерусских текстах, попутно сняв страх перед акцентологией (а с опаской к ней относятся даже многие коллеги А.А.). И тут, как и в случае лингвистических задач, расчет – на всякого интересующегося историей русских слов и их ударения. Книга организована таким образом, чтобы быть необходимым и достаточным инструментом при работе с текстами. В этом смысле книга «Древнерусское ударение» тоже «самодостаточна». Здесь выдержан, по сути, тот же принцип, с которым А.А. подходит сам и подводит других к изучению любого языка, Языка вообще. Составляется выжимка необходимейших сведений о грамматике («компендиум») и словарь. С этим пузырьком нашатырного спирта можно приступать к чтению текстов.

Показателен в этом отношении вводный «Очерк древнерусской акцентной системы», который «призван познакомить неподготовленного читателя с основами русской исторической акцентологии»⁹. Всякий, кто знаком с монографией 1985 года, не без удивления найдет в «Очерке» ее конспект. Не без удивления, потому что, по остроумному замечанию В. Плунгяна, каждый студент знает, насколько бесполезное занятие конспектирование текстов А.А.: очень скоро обнаруживаешь, что переписываешь текст целиком. Но для самого А.А. особенно увлекательная сверхзадача – испытание слова науки на сжатие: книга («От праславянской акцентуации к русской», 1985) – очерк (в книге «Древнерусское ударение», 2014) – трехстраничный компендиум для слушателей лекций-семинаров по русской акцентологии в МГУ. В то же время в «Очерке» учитываются новые открытия в акцентологии последних десятилетий.

Сам же акцентологический словарь в книге 2014 года – это первый словарь такого рода. Концепция словаря излагается во введении к нему («Структура словаря»), причем не в теоретическом модусе, а как практическое руководство для пользователя. Словарь включает около 12100 статей (около 8900 в общей части и около 3200 имен собственных) и дает читателю возможность самостоятельно проакцентировать древнерусское слово, фрагмент текста, текст. Но не только – он позволяет «узнать, каково было прежнее ударение того или иного современного слова и что случилось с его ударением за последние 500–700 лет»¹⁰. По сути, это базовый вклад в исторический комментарий к современному русскому ударению, как грамматический очерк древненовгородского диалекта (в ДНД 2004) – важнейший вклад в исторический комментарий к современной грамматике.

- **синхрония и диахрония**

⁹ А. А. Зализняк. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. Москва: Языки славянской культуры, 2014. С. 5.

¹⁰ Там же. С. 119.

Историко-лингвистические изыскания А.А. всегда рождаются из интереса к генезису современного состояния языка. Важно при этом, что в работах Зализняка выдержаны единые принципы осмысления и описания грамматической системы языка на разных этапах его истории. Изоморфность моделей описания не только дает ощущение органического единства всего лингвистического творчества А.А., но и создает основу целостного описания русского языка в его современности и истории. И в этом большая удача исторической русистики. Так, в частности, таблицы словоизменения и акцентуации в работах А.А. – в «Грамматическом словаре», в ДНД и теперь в книге «Древнерусское ударение» – основаны на одних и тех же принципах. Их сопоставление без какого бы то ни было дополнительного препарирования позволяет наглядно наблюдать динамику языковой эволюции. Система таблиц Зализняка, которой очень удобно пользоваться в преподавании, представляет собою, по сути, готовый каркас исторического комментария к современной русской грамматике.

Связь между эпохами острее ощущается в живом языке. Неслучайно из всей древнерусской письменности главный интерес А.А. сосредоточен на берестяных грамотах как на текстах, ближе которых к живому языку древней Руси в нашем распоряжении нет. Тут лингвистика буквально превращается в археологию в смысле М. Фуко. Интерес к живому языку одновременно означает интерес к живым людям – ситуациям их быта, разговорам, отношениям, реакциям. И с теми же любопытством и доброжелательностью, с какими А.А. обращен к своим близким и неблизким современникам, он вслушивается в голоса и вглядывается в лица древних новгородцев. Какова же его радость, когда обнаруживается, что и в XII веке были люди, которые, как и мы, объяснялись в любви и отдавали детей в школу; и что новгородки не были поголовно невежественны и неграмотны; и что правовое сознание не в пример нам сегодняшним было чрезвычайно высоким и внятно артикулировалось. Именно этот интерес А.А. к людям вместе с их языком объясняет, как мне кажется, тот исключительный факт, что берестяные грамоты – это единственный тип древнерусского текста, в отношении которого Зализняк позволил себе комментарий филологического характера.

Почти с каждым сезоном Новгородской археологической экспедиции корпус берестяных грамот пополняется новыми находками (последняя из них получила номер 1063). Ежегодно А.А. готовит лингвистический отчет о них для журнала «Вопросы языкознания». Вот-вот выйдет долгожданный XII-ый том «Новгородских грамот на бересте» с новыми публикациями, комментариями, поправками к прежним решениям. Традиционные осенние лекции А.А. о новинках сезона собирают всё больше слушателей. Аудитория приобрела совсем другой масштаб, когда в 2011 году А.А. в цикле из двух лекций рассказывал о берестяных грамотах в рамках программы «Академия» на телевидении. И это не полный перечень. Не будет преувеличением сказать, что благодаря Зализняку исторический китч в представлениях непрофессионала о древнерусском человеке на глазах отшелушивается, и открывается захватывающая картина, наполненная живыми голосами и деталями быта.

• ЯЗЫК ЛИНГВИСТИКИ

«Птичьего языка» у Зализняка не было, пожалуй, никогда. Чтение его работ 1960-х – 80-х годов оставляет скорее ощущение чистого спирта, от которого перехватывает дыхание. Метаязык последних книг воспринимается иначе – он в целом ближе к нейтральной общелитературной речи. Определенную роль сыграли в этом, думается, общие изменения в языке на фоне общественных и культурных преобразований рубежа 1980-х и 1990-х годов. Изменилось публичное пространство в целом, иным стало

соотношение в нем разных функциональных сфер, отпала необходимость в «эзоповом» языке и т. п. Но кроме этих общих изменений важна, как мне кажется, сама установка А.А. на открытость и общедоступность науки. Речь при этом ни в коем случае не идет о том, чтобы опустить научную планку, но лишь о том, чтобы писать и говорить внятно и доступно как для профессионала (он тоже человек!), так и для каждого заинтересованного читателя и слушателя. Эта двоякая обращенность (а по сути – универсальность) означает осуществление наукой своего предназначения: добывание истины профессионалом и сообщение ее публике. У А.А. накоплен огромный опыт публичной речи – в преподавании и в общественном пространстве. И перед какой бы аудиторией он ни говорил – в МГУ, в школе, в Новгородской экспедиции, в Политехе, на телевидении – у слушателей остается приятное ощущение, что с ними говорят уважительно и доброжелательно, не упрощая и не затемняя предмет. Что же это как не высокое качество культуры человеческого общения? – способность говорить с другим так, чтобы различия в социальном и культурном статусе отступали в тень, а на первый план выходил бы взаимный интерес. А.А. этим качеством обладает вполне, а его устная и письменная научная речь не разделены непроницаемой гранью.

• **школа**

Не скажешь, пожалуй, что Зализняк создал школу. Трудно вообразить, что он кому-нибудь мог бы написать: «Победителю-ученику от побежденного учителя». Он не любит руководить (как и не любит, чтобы им руководили) и не держит подмастерьев. Ему дороги свобода и индивидуальность. Он ценит положение вне групп. А школа – как ни крути – тоже род группы или партии, даже если ты в ней – главный... Тут иначе. А.А. сделал эпоху своим присутствием в науке – своим способом мысли и своей личностью. Он индивидуален и неповторим. Но в то же время выросло уже несколько поколений ярких, талантливых, выдающихся лингвистов (некоторые из них уже сами стали основателями научных школ), в научном почерке каждого из которых безошибочно узнается бывший студент Зализняка¹¹.

Преподавание для А.А. страшно важно (Е.В. Падучева о субботних семинарах Зализняка в МГУ: «Нет большей радости для него»). Арабский, акцентология, санскрит сменяют друг друга; всегда есть новые участники семинара, но многие повторяют курс вновь и вновь – «ради самого процесса». Детская аудитория привлекательна для А.А. особым образом. Может быть, потому, что свобода игры детям дана вполне, они предаются ей непредвзято и страстно. Взрослому, чтобы играть со вкусом, нужно хотя бы на время пробудить в себе дитя. Мне приходилось наблюдать, с каким увлечением А.А. играет в шахматы не со знатоком, а с ребенком – ему интересно не соревноваться и демонстрировать свое умение, а передать ребенку то, что сам умеешь и порадоваться вместе с ним отдаче! Летом каждого года его ждут в Дубне в Летней лингвистической школе. И он ездит туда с радостью – ему интересно на самой восприимчивой из аудиторий испробовать, к примеру, абрис общей линии развития русской грамматики, а потом еще часа два отвечать в фойе на бесконечные вопросы слушателей. Традиционными стали лекции А.А. в московской школе «Муми-Тролль».

Лекции Зализняка для школьников – не пресный катехизис лингвистики, а введение в загадки и лингвистические задачи филологического ремесла. Лекция о берестяных грамотах, которую А.А. читал в феврале этого года в школе «Муми-

¹¹ См.: В. М. Живов, В. А. Плунгян. О лингвистических трудах А. А. Зализняка: (К семидесятилетию со дня рождения) // Изв. РАН. Сер. лит. и языка. 2005. Т. 64. № 3. С. 3 – 12; Д. Сичинава. Академик Андрей Анатольевич Зализняк (к 75-летию со дня рождения) // Изв. РАН. Сер. лит. и языка. 2010. Т. 69. № 3. С. 75 – 79.

Троль»), была построена как захватывающий двухчасовой хичкок про то, как разрешаются ошибочные чтения и интерпретации, державшиеся десятилетиями. После минимального введения в древненовгородский диалект разновозрастная аудитория школьников (учителя тоже тут, и среди них бывший студент А.А. Илья Иткин), расположившаяся на скамьях в спортзале (иначе всем желающим не поместиться), читает со слайда оригинал грамоты, ее прорись, предлагает решения, спорит, смеется и почти всегда – отгадывает! Завороженно следя за тем, как за 50 лет изучения брачного предложения XIII века (грамота № 377) девица Ульяница в нем превращается сначала в Ану, а потом (в прошлом, 2014 году) – в Маланию, дети научаются видеть в науке не столько собрание неколебимых утверждений, сколько открытый состязательный процесс. На лекции А.А. они обнаруживают себя в этот процесс целиком вовлеченными. Попутно усваивается важное правило научной этики: не обвиняй писца в ошибке, ищи причину несообразности – ошибается скорее исследователь. В чем успех и главная ценность такой лекции? В самой материи – безусловно, но в еще большей степени – в тоне: на равных и без унижительной снисходительности – это то, что дети ценят больше всего на свете. А когда взаимное доверие установлено, им совершенно ясно, что поиск истины – это живая, захватывающая игра¹².

¹² Опубликовано в журнале *Известия РАН. Серия литературы и языка*, 2015, № 3.